DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-32>

УДК 81-114.4

РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИФИКИ МЕСТОИМЕНИЙ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

А. Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Что значит я? Я бывают разные!

А. А. Милн

Аннотация

Постановка проблемы. Выполнение языком его коммуникативной функции, которую обычно считают первостепенно важной, возможно прежде всего благодаря использованию слов, обладающих номинативными потенциями. Известно, впрочем, что эти потенции реализуются довольно вариативно – в зависимости от частеречной принадлежности лексемы.

В данном аспекте весьма интересны местоимения. Их лексические значения в чем-то подобны нулевым окончаниям: формально отсутствуют, но имплицитно подразумеваются. Семантика местоимения способна воплощаться вследствие наличия его ближайшего словесного окружения, то есть в контексте высказывания, который в условиях ситуации непосредственного устного общения складывается также и при участии невербальных действий адресанта.

Цель статьи – выявление специфики местоимений как особой части речи и их способности обретать конвенционально определяемое лексическое значение в разных формах коммуникативных актов.

Исследование. Нами анализируется употребление местоимений двух различных источников: литературно-художественные тексты, где местоимения служат особого рода манифестантами авторских интенций; фрагменты современного русскоязычного дискурса, в котором удельный вес местоимений чрезвычайно высок.

Вывод. Рост удельного веса местоимений в сегодняшнем русскоязычном речевом потоке – одна из важных особенностей, характеризующаяся снижением количества активно используемых лексических единиц в повседневном разговорном общении. Этот процесс дополняется нарастанием использования пиктограмм в электронной и иной переписке. Совокупность подобных феноменов сигнализирует об оскудении когнитивных потенций членов языковой общности.

Ключевые слова: местоимение, номинативная функция, контекст, потенциальное лексическое значение, коммуникативный акт, выражения интенций коммуникантов, текст и дискурс.

Постановка проблемы. Функции языка многочисленны. Обычно среди них в качестве важнейшей выделяют коммуникативную. При этом следует обратить особое внимание на лексико-семантический уровень языковой системы и его структурную единицу – слово, наделенное номинативными потенциями, которые, впрочем, способны реализоваться по-разному, в зависимости от частеречной принадлежности лексемы.

Определенное своеобразие местоимения как части речи не раз вызывало интерес исследователей (например, [Щерба, 1974, с. 83–85; Бенвенист, 1974, с. 292, 295 и др.]), прежде всего потому, что, памятуя школьную грамматику, местоимения не называют предмет или его признаки, но лишь указывают на них. Иначе говоря, традиционно – и справедливо – местоимению если и не отказывают совершенно в способности иметь лексическое значение, то подразумевают некую чрезвычайную специфику последнего. «Сложность и „трудноуловимость” их семантики привела к существованию принципиально разных концепций местоименного значения. Как известно, местоимения часто рассматривались и рассматриваются как слова семантически опустошенные или во всяком случае как слова, значение которых ситуационно изменчиво. Наряду с этим есть работы, в которых раскрывается многокомпонентная структура местоименного значения, свидетельствующая о семантической насыщенности их содержания. Различия в трактовках часто связаны с акцентированием внимания на разных аспектах значения или функционирования местоимений» [Селиверстова, 1988, с. 3].

Исследователи отмечают изменения в семантике местоимений в зависимости от жанра, контекста: «В лирической поэзии наблюдается множество своеобразных проявлений и трансформаций семантики личных и притяжательных местоимений, которые обусловлены необходимостью передачи поэтом разных оттенков и нюансов мыслей и чувств лирического героя» [Мурашева, 2004, с. 19].

Цель статьи – выявление специфики местоимений как особой части речи и их способности обретать конвенционально определяемое лексическое значение в разных формах коммуникативных актов.

Исследование. Между тем хорошо известно, что в речевом потоке, вследствие некоторых особенностей употребления, обусловленных интенциями адресанта, местоимения очень близки к возможностям манифестировать не только минимальные по объему, но и довольно обширные понятия.

Вот самые хрестоматийные примеры:

«...Пора пришла, она влюбилась.

<...> Давно сердечное томленье

Теснило ей младую грудь;

Душа ждала... кого-нибудь,

И дождалась... Открылись очи;

Она сказала: это он!»

[Пушкин, 1978, т. 5, с. 51].

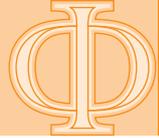
«Ты чуть вошел, я вмиг узнала,

Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила: вот он!»

[Пушкин, 1978, т. 5, с. 61].

Будучи «дешифрованным», местоимение *он* несет здесь приблизительно следующую информацию: «*он* – воплощенный (то есть буквально – „во плоти”) герой французских любовных романов, которые, наряду с суевериями, сонниками

и проч., составляли духовную пищу Татьяны, и, в сочетании со столичным обликом и манерами Онегина, сделали его избранным персонажем ее девических грез, до того момента безуспешно искавших хоть какого-то объекта, достойного сердечного внимания физически созревшей героини».

Другой пример, семантически подобный:

«„Печален ты; признайся, что с тобой”.

– Люблю, мой друг! – „Но кто ж тебя пленила?

<...> Кому ж ты жертвуешь душой?”

– Ах, *ей!* – „Ты скромн, друг сердечный!

Но почему ж ты столько огорчен?

И кто виной? Супруг, отец, конечно...”

– Не то, мой друг! – „Но что ж?” – Я *ей* не *он*»

[Пушкин, 1977, т. 1, с. 236].

Ср. несколько иной пример:

«Пустое *вы* сердечным *ты*

Она обмолвясъ заменила,

И все счастливые мечты

В душе влюбленной возбудила.

<...> И говорю ей: как *вы* милы!

И мыслю: как *тебя* люблю!»

[Пушкин, 1977, т. 3, с. 58].

Здесь очевидна потенциальная вариативность (конкуренция?) двух обращений к одному и тому же адресату: официально дистанцирующее *вы* и интимно сближающее *ты*, каждое из которых может быть наполнено соответствующей семантикой и коннотацией.

Особенно интересны и информативны случаи употребления местоимения *наш* (*наши*) для обозначения различных сообществ, отделенных или отделившихся от остальной массы по каким-либо определенным признакам – этническим, идеологическим, политическим и иным.

Ср., например, вариативность представления о *наших* в гоголевском тексте.

«Ясные паны! – произнес жид. – <...> То совсем не наши, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жидаы: то черт знает что <...>. Мы с запорожцами как братья родные...» – «Как? Чтобы запорожцы были с вами братья? – произнес один из толпы. – Не дождетесь, проклятые жидаы! В Днепр их, панове!» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 66].

«Спасены, спасены! – кричала она [татарка] <...>. – Наши [т. е. поляки] вошли в город» <...>. Но не слышал никто из них [Андрей и панночка], какие „наши” вошли в город» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 92].

«Что ж ты делал в городе? Видел наших?» – «Как же! Наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор...» – «Пропади они, собаки! – вскрикнул, рассердившись, Тарас. – Что ты мне тычешь свое жидовское племя! Я тебя спрашиваю про наших запорожцев». – «Наших запорожцев

не видел. А видел одного пана Андрия <...>. Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 96–97].

В чеховском рассказе: «Уморительные попадают субъекты, – говорит Михаил Федорович. – <...> А то наемни прихожу в театр <...>. Как раз впереди меня <...> сидят каких-то два: один „из насих“¹ и, по-видимому, юрист, другой, лохматый – медик <...>. Как только какой-нибудь актер начнет громко читать монолог или просто возвысит голос, мой медик вздрагивает, толкает своего соседа в бок и спрашивает: „Что он говорит? Бла-а-родно?“ – «Благородно», – отвечает из насих» [Чехов, 1955, т. 6, с. 305–306].

У Ф. М. Достоевского: «В восьмом часу вечера <...> собрались наши в полном комплекте, в пятером <...>. Наши были возбуждены» [Достоевский, 1957, т. 7, с. 406] (здесь *наши* – члены революционной подпольной организации).

Подобным образом выражается Остап Бендер в сцене собрания тайного анти-советского общества «Союз меча и орала»; вербуя в него «слесаря-интеллигента» (он же – «кипучий лентяй») Полесова, великий комбинатор задает ему вопрос: «Наших в городе много?» [Ильф, Петров, 1957, с. 119]. Здесь *наши* – сторонники восстановления самодержавия, скрытые враги советской власти.

Ср. также характеристику персонажа, глубоко порядочного квартального Рыжова («Однодума»), «библейского социалиста», краткую квалификацию которого горожане, повседневно пользующиеся совсем иными аксиологическими ориентирами, дают с помощью местоимений – и чиновники, и прочие обыватели. Первые на расспросы нового губернатора отвечают: «...Просто всегда *такой*» [Лесков, 1981, с. 212]; вторые, «покрутя рукой в воздухе, отвечали: „Он у нас *такой-некий-эдакой*“» [Лесков, 1981, с. 216]. Понятно, что личность описываемого таким образом в действительности достаточно многогранна, но при этом всецело подчинена практическому следованию христианским постулатам (конечно же, их соблюдают и все остальные действующие лица, однако лишь формально – применительно к обстоятельствам, в том числе и духовные наставники). Поэтому сограждане Рыжова, не прибегая к подробностям, очевидно контрастирующим с их собственным образом бытия, применяют краткое и семантически диффузное описание честного блюстителя порядка.

Именно эта крайняя смысловая расплывчатость местоимения, весьма относительно способная обретать подобие лексического значения в дискурсивном потоке, может затруднить адекватное понимание предмета коммуникации. Так, в рассказе о допросе следователем свидетеля (крестьянина невысокого культурно-образовательного уровня и к тому же малосообразительного) показания последнего приходится постоянно уточнять: «Абрамка стал было *его* унимать <...>, а *он* Абрамку по уху. Абрамкин работник *его*... А *он* схватил *его*, поднял и оземь... Тогда *тот* сел на *него* верхом и давай в спину барабанить... Мы *его* из-под *него* за ноги вытащили. – *Кого его?* – Известно, *кого*... На *ком* верхом сидел... – *Кто?* – Да *этот самый*, про *кого* сказываю» [Чехов, 1955, т. 4, с. 350–351]

¹ Ср.: «Он из наших (т. е. жид)» [Даль 1984, т. 1, с. 272].

(кстати, этот же текст иллюстрирует этический аспект употребления личных местоимений: для начинающего следователя как должностного лица – и для немолодого допрашиваемого с собственными представлениями о культурно-речевых стереотипах: «Нужно говорить вы... Нельзя тыкать! Если я говорю тебе... вам *вы*, то вы и подавно должны быть вежливым! – Оно конечно, вашескородие! Нешто мы не понимаем? Но ты слушай, что дальше...» [Чехов, 1955, т. 4, с. 349]. До некоторой степени подобными критериями руководствуются и солигаличские «простецы»: «Довольно неясное определение это [*такой-некий-этакой*] для них имело значение ясное и понятное» [Лесков, 1981, с. 201]).

Следует отметить также тонкое психолингвистическое наблюдение поэта, обратившего внимание на константное закрепление за адресантом личного местоимения, вступающее в противоречие с постоянными трансформациями личности, в стихотворении «Перед зеркалом»:

«Я, я, я. Что за дикое слово!
 Неужели вон тот – это я?
 Разве мама любила такого,
 Желто-серого, полуседого
 И всезнающего, как змея?»

[Ходасевич, 1989, с. 174].

Не менее интересны примеры использования местоимений, содержащиеся в спонтанных коммуникативных актах.

Многие местоимения оказываются контекстуально чреватые некими смыслами, что зачастую наблюдается в повседневной разговорной речи. Например, реплики, которые можно услышать в учительской: «*Тот* еще класс!», или: «Ребятаки еще *те!*»; оценка, которая при этом высказывается говорящим по отношению к характеризваемому объекту, вряд ли может быть названа мелиоративной.

Или: употребление в современном малонормированном речевом потоке местоимения *такая* обычно в связке с местоимением *вся* (приводятся именно формы женского рода, ибо подобные высказывания обычно производят представительницы прекрасного пола, преимущественно – кажется – сравнительно молодые); например: «Я стою *вся такая*». Подобная реплика оставляет широкий простор воображению собеседницы (собеседниц), вольной живописать для себя внешний вид и эмоциональное состояние рассказчицы в описываемой ею ситуации. Еще более благодарную почву для интеллектуальных построений аудитории, соответствующей повествовательнице, являют собой столь же устойчивые высказывания вроде: «Прикинь, я стою вообще ([*вллш'э*]) *вся такая!*» Впрочем, не приходится сомневаться, что коммуникантки достаточно хорошо понимают друг друга, хотя это, наверное, обмен не столько словами как языковыми единицами, сколько знаками некоего общего для говорящих кода, где лексические значения далеко не первостепенны. По-видимому, главные роли здесь отводятся позам, жестам, мимике, интонации и прочим невербальным средствам передачи информации (или квазиинформации). Это скорее обмен

эмоциональными посланиями, близкий к междоветному диалогу. Кроме того, в подобных случаях на первый план в ущерб коммуникативной очевидно выдвигается фатическая функция языка.

На основе проведенного анализа представляется возможным сделать следующие *выводы*.

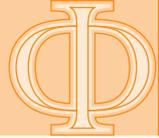
Во-первых, местоимения самым наглядным образом иллюстрируют известные лингвистические положения: «Слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин, 1982, с. 286] – и: «Слово важно не словарным своим значением <...>; полный *смысл* слова проявляется в тексте, зависит от соседних слов и момента речи...» [Колесов, 2004, с. 100].

Во-вторых, чрезвычайный рост удельного веса местоимений в сегодняшнем русскоязычном речевом потоке – один из важных компонентов его облика, по своему гармоничного (см. [Васильев, 2019, с. 37–90]). В целом он характеризуется снижением количества активно используемых лексических единиц в повседневном разговорном общении. Этот процесс дополняется нарастанием использования пиктограмм в электронной и иной переписке. Памятуя о неразрывном взаимодействии языка и мышления, следует считать совокупность подобных феноменов весьма симптоматичной: она сигнализирует об оскудении когнитивных потенциалов членов языковой общности.

Данному процессу очевидно способствуют некоторые факторы. В частности, естественное стремление повысить коммуникативную эффективность высказываний путем передачи максимума содержания при минимуме употребляемых языковых единиц, что особенно проявляется при интенсификации и ускорении речевого общения, в том числе бытового, менее подверженного упорядочению, нежели, например, профессиональное. Отсюда – и эксплуатация местоимений как идеальных гиперонимов, позволяющих адресанту освободить себя от затруднительных поисков точных именованных признаков, подлежащих вербальной квалификации, то есть обременительного напряжения мысли.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
2. Васильев А. Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
3. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. М., 1952. Т. 2. С. 31–152.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. Т. 1. 383 с.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 7–706.
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Новосибирск, 1957. 656 с.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
8. Лесков Н. С. Однодум // Лесков Н. С. Рассказы. М., 1981. С. 187–217.
9. Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38–39). С. 13–19.
10. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 529.
11. Пушкин А. С. Она // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 1. 482 с.

12. Пушкин А. С. Ты и вы // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 3. 497 с.
13. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
14. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. 336 с.
15. Ходасевич В. Перед зеркалом // Библиотека поэта. М., 1989. С. 174–175.
16. Чехов А. П. Скучная история // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 6. С. 266–327.
17. Чехов А. П. Ты и вы // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 4. С. 346–351.
18. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77–100.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-32>

REALIZATION OF SPECIFIC ROLE OF PRONOUNS IN TEXT AND DISCOURSE

A. D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

What do I mean? I happen different!
A. A. Milne

Abstract

Language performance of its communicative function, which is generally regarded as paramount, is possible primarily through the use of words with nominative potentials. It is known, however, that these potencies are implemented quite variably – depending on the partial affiliation of the lexeme.

In this aspect, pronouns are very interesting. Their lexical values are somewhat similar to zero endings: formally absent, but implicitly implied. The semantics of the pronoun can be embodied due to the presence of its closest verbal environment, that is, in the context of the statement, which in the situation of direct oral communication is also formed with the participation of non-verbal actions of the addressee.

The purpose of the article is to illustrate the specificity of pronouns as a special part of speech and their ability to acquire a convention-defined lexical meaning in different forms of communicative acts.

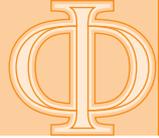
Research. We analyze the use of pronouns of two different sources: the first group includes literary and artistic texts, where pronouns serve as a special kind of manifesto of author's intentions; the second group consists of fragments of modern Russian-language discourse, in which the proportion of pronouns is extremely high.

Conclusion: the increase in the relative weight of pronouns in today's Russian-language speech flow is one of the important features characterized by a decrease in the number of actively used lexical units in everyday conversational communication. This process is complemented by an increase in the use of pictograms in electronic and other correspondence. The totality of such phenomena signals the impoverishment of the cognitive potentials of members of the linguistic community.

Keywords: *pronoun, nominative function, context, potential lexical meaning, communicative act, expressions of communicants' intentions, text and discourse.*

Bibliograficheskij spisok

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. M., 1974. 447 s.
2. Vasil'ev A. D. *Prevrashcheniya slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie process* [Word transformations. Modern lexical and semantic processes]. Krasnoyarsk, 2019. 316 s.
3. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba* // Gogol' N.V. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1952. T. 2. S. 31–152.
4. Dal' V. I. *Posloviцы russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]: v 2 t. M., 1984. T. 1. 383 s.
5. Dostoevskij F. M. *Besy* // Dostoevskij F. M. *Sobr. soch.:* v 10 t. M., 1957. T. 7. S. 7–706.
6. Il'f I., Petrov E. *Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok* [Welve chairs. Golden calf]. Novosibirsk, 1957. 656 s.
7. Kolesov V. V. *Yazyk i mental'nost'* [The language and mentality]. SPb., 2004. 240 s.
8. Leskov N. S. *Odnodum* // Leskov N. S. *Rassказы.* M., 1981. S. 187–217.
9. Murasheva O. P. *Semantika i funktsii mestoimenii v poeticheskom tekste* // *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Semantics and functions of pronouns in a poetic text]. 2004. № 1–2 (38–39). S. 13–19.

10. Pushkin A. S. Evgenij Onegin // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. 5. S. 5–164.
11. Pushkin A. S. Ona // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1977. T. 1. S. 236.
12. Pushkin A. S. Ty i vy // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1977. T. 3. S. 58.
13. Seliverstova O. N. Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]. M.: Nauka. 1988. 151 s.
14. Filin F. P. Oчерki po teorii yazykoznanija [Essays on the theory of linguistics]. M., 1982. 336 s.
15. Hodasevich V. Pered zerkalom // Biblioteka poeta. M., 1989. S. 174–175.
16. Chekhov A. P. Skuchnaya istoriya // Chekhov A. P. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1955. T. 6. S. 266–327.
17. Chekhov A. P. Ty i vy // Chekhov A. P. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1955. T. 4. S. 346–351.
18. Shcherba L. V. O chastyah rechi v russkom yazyke // Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. M., 1974. S. 77–100.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Post-Doctoral degree in Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: vasileva@kspu.ru